

УДК 81.373.611

DOI: 10.17223/19986645/40/5

С.К. Соколова

К ВОПРОСУ О ЗАВИСИМОСТИ ПОЛИМОТИВАЦИИ ДЕРИВАТА ОТ ПРОДУКТИВНОСТИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТИПА (НА МАТЕРИАЛЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)¹

В статье развиваются идеи о системности полимотивации, которая рассматривается как стратегия речемыслительной деятельности носителя языка, направленная на раскрытие смыслового потенциала производного слова. На материале психолингвистического эксперимента доказывается положение о зависимости интенсивности проявления полимотивации от продуктивности словообразовательного типа, к которому относится интерпретируемый дериват.

Ключевые слова: полимотивация дериватов, продуктивность словообразовательного типа, детерминанта речемыслительной деятельности.

1. Постановка проблемы. Структурная детерминанта полимотивации

Несмотря на то, что проблема полимотивации активно обсуждалась в рамках структурно-системной лингвистики, она так и осталась дискуссионной, и на современном этапе, с позиций новой научной парадигмы, исследователи вновь обращаются к рассмотрению данного явления. Это обусловлено тем, что полимотивация в лингвистике рассматривается неоднозначно: с одной стороны, полимотивация воспринимается как явление, дестабилизирующее языковую систему (что находит отражение в традиционном подходе к полимотивации), с другой – как явление, отражающее динамизм языка (что реализуется в функционально-ориентированных версиях изучения полимотивации). Так, в кемеровской дериватологической школе в конце XX в. разрабатывается когнитивная теории полимотивации, автором которой является П.А. Катышев. Полимотивация в рамках данной теории определяется как «стратегия речемыслительной деятельности носителя языка», направленная «на раскрытие смыслового потенциала словообразовательной формы» и осуществляемая «по принципу замены дериватемы множеством конкретизаторов, включенных как в одно, так и в несколько мотивирующих суждений» [1. С. 12].

Системное изучение зависимости процесса идентификации производного слова в рамках когнитивной теории полимотивации способствовало выделению основной и сопутствующих детерминант полимотивации (более подробно об этом см. в работах [2, 3, 4, 5]).

---

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ по проекту № 14-14-42005 «Региональные аспекты русской дериватологии» по конкурсу «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном – 2014» (Кемеровская область).

Особый интерес представляет структурная детерминанта [6], изучение которой позволило сделать предположение о зависимости речемыслительной деятельности носителей языка от свойств структуры деривата; в частности, была выявлена зависимость интенсивности полимотивации от агглютинативности/фузионности морфологической структуры [7], от степени членимости [8] и поли/мономорфемности производного [9]. Данная работа представляет отдельные результаты диссертационного исследования С.К. Соколовой «Полимотивация деривата в аспекте влияния его структурных свойств на речемыслительную деятельность носителей русского языка» [10]. В статье развиваются идеи системного видения полимотивации и показывается зависимость интенсивности проявления полимотивации от продуктивности словообразовательного типа, к которому относится интерпретируемый дериват.

2. Описание экспериментального исследования

Для исследования структурной детерминанты полимотивации проведено отдельное экспериментальное исследование, целью которого было выявление зависимости особенностей речемыслительной деятельности носителей русского языка от структурных характеристик производных слов-стимулов [10]. Для этого испытуемым – школьникам гимназии № 21 г. Кемерово (6-е классы) в количестве 45 человек и студентам КемГУ в количестве 81 человека – предъявлялись установочный текст и задание, базовая функция которых заключается в создании условий, настраивающих продуцентов на внимательное отношение к определенным словам и творческое их осмысление. См. текст-установку и задание:

Каждое лето мы со студентами выезжаем на диалектологическую практику. Как правило, для этого мы выбираем какую-нибудь глухую деревеньку, расположенную вдали от цивилизации, где люди живут в гармонии с природой, придерживаясь издавна заведенных традиций, доставшимся им от предков. В одну из таких экспедиций встретилась нам бабушка Аграфена, местная травница. Жила она на краю деревни, прямо около самого леса, но каждый в деревне знал, как ее найти. Ведь если случилась беда: заболело что, корова не телится или еще какая напасть, то все обращались к ней за советом и помощью. Уж очень она много знала, но лучше всего Аграфена разбиралась в травах: и как трава называется, и где ее найти можно, когда трава цветет и когда ее нужно собирать, чтобы для пользы она послужила, а когда уже и толку в этом никакого нет, и что в каком растении брать нужно (где листочек сорвать, где цветочек, а где корешок выкопать), и как отличить вредную траву от полезной, и какую траву при каких недугах надо использовать, а также как правильно отвар или настой приготовить, и как ее перед этим засушить, чтобы все нужные свойства сохранить, а от вредных избавиться. А рассказывать об этих травах она страсть как любила, и так красочно, так захватывающе у нее это получалось, что заслушаться можно было. Иногда засидишься у нее за чашкой травяного чая и не заметишь, как уже коровы с выпаса домой идут. А когда мы с Аграфеной гуляли по полям и лесам, там уж она ни одной травинки, ни одного листочка не пропускала - о каждой что-нибудь да расскажет.

*И особенно меня поразил рассказ Аграфены о таких травах, как **красно-головник, медуница, девятильник, рекостав и свербигуз**, которые мы*

встретили во время одной из наших прогулок по лесу. Так удивительно она о них рассказывала, все-то о них знала: и почему их назвали, и для чего они нужны и т.д.

Задание: напишите рассказ травницы Аграфены об этих растениях.

Данный эксперимент является направленным психолингвистическим экспериментом, который способствует изучению процесса идентификации. Важно отметить, что процесс идентификации рассматривается не в узком смысле (как процесс опознания слова), а в широком – как познавательная деятельность носителей языка, направленная на осмысление языкового знака. Иными словами, процесс идентификации – это познавательный процесс, направленный на осмысление языкового знака, или речемыслительная категоризация, «т.е. установление связи между звучанием и значением познаваемого слова, погружающегося в систему языковых категорий (и лексических, и грамматических), актуальных для языкового сознания познающего субъекта» [11. С. 90]. По сути дела, идентификация – это понимание или, обращаясь к терминологии В. фон Гумбольдта, момент «инстинктивного установления» (прояснения, прозрения) внутренней формы слова.

В связи с вышеуказанными особенностями процесса идентификации в эксперименте, помимо производных слов, которые являются непосредственными стимулами, в качестве дополнительного (направляющего) стимула вводится установочный текст, восприятие которого создает предпосылки для сознательного осмысления знака и настраивает продуцентов на внимательное отношение к деривату. Таким образом, направленный на раскрытие смысло-исполненности словообразовательной структуры познавательный процесс, положенный в основу экспериментального изучения, активизируется за счет проблемной ситуации (а именно необходимости раскрытия смыслового потенциала словообразовательной структуры слова «с опорой на установленный стимул и провоцируемый модус восприятия знака» [1. С. 87]).

При этом в текст-установку включаются стимулы, обуславливающие интенсивное создание и раскрытие познаваемого языкового образа и оптимизирующие наблюдения экспериментатора за тенденциями влияния знаковой структуры на текстопорождение. К таким стимулам можно отнести:

(1) погружение продуцентов в мир субъекта речи (*травницы Аграфены*);
(2) выбор фитонимов (названий растений) как знаков с многопризнаковой семантической структурой, по заданным признакам которой (*место произрастания, время цветения и сбора, целебные части, характер использования, лечебное действие* и т.д.) требуется охарактеризовать специфику наименований;

(3) выбор в качестве стимулов производных фитонимов, обеспечивающих более пристальное отношение продуцентов к словообразовательной структуре производных (производные фитонимы, с одной стороны, являются частью наивной картины мира информантов, с другой – в силу недостаточной компетенции испытуемых конкретные названия растений могут быть незнакомы современному носителю языка, что сближает их с агнонимами (ср. «агноним – слово родного языка, значение и правила употребления которого неизвестны современному носителю языка, непонятны или малопонятны» [12.

С. 84]). При этом идентификация незнакомого или малознакомого слова замедляется, а аналитико-синтетическая (расчленяющая и создающая) деятельность усиливается [13. С. 109–110], что обуславливает повышенный интерес к словообразовательной структуре исходных стимулов и приводит к самостоятельному и зачастую усиленному поиску опознавательных опор);

(4) указание на определенную речевую форму (*рассказ*), приводящую к включению характеристик растений в некоторую описательную текстовую структуру.

Гипотетически самостоятельную предпосылку осуществления речемыслительной деятельности испытуемых представляют вводимые в установочное задание структурные параметры означающих. Пять производных (*красногловник, медуница, девятильник, рекостав* и *свербигуз*), предложенных информантам в качестве слов-стимулов, имеют разные структурные свойства, которые могут способствовать выбору стратегии раскрытия языкового образа познаваемого слова. Такие характеристики, как агглютинативность / фузионность его морфонологической структуры, членимость основы, многоморфемность / одноморфемность, способ словообразования, ономазиологическая структура производного, особенности словообразовательного типа и гнезда, к которым относится дериват, а также степень его мотивированности взаимодействуют и влияют на устойчивость / ослабление использования полимотивации.

3. Анализ результатов эксперимента. Фактор отнесенности деривата к продуктивному словообразовательному типу

В результате проведенного корреляционного анализа, отражающего взаимодействие свойств дериватов и полимотивации, было также выявлено, что одним из дополнительных факторов (по отношению к членимости производного), увеличивающим возможность многократного использования созвучных по основе конкретизаторов при идентификации языкового знака является такая характерная черта производного, как отнесенность к продуктивному словообразовательному типу.

В современной дериватологии большое внимание уделяется изучению словообразовательного типа (Л.А. Араева, В.В. Виноградов, В.Н. Виноградова, Б.Н. Головин, М. Докулил, И.В. Евсеева, О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Г.С. Зенков, И.И. Ковалик, Е.С. Кубрякова, К.А. Левковская, В.В. Лопатин, А.И. Моисеев, Т.В. Попова, В.Н. Троицкий, И.С. Улуханов, М.В. Черепанов, Н.А. Янко-Триницкая, М.Н. Янценецкая и др.). Наиболее последовательно понятие словообразовательного типа, а также особенности семантической структуры типа представлены в работах М.Н. Янценецкой и ее учеников (см.: М.Н. Янценецкая, Л.А. Араева, Л.Г. Ким). При этом анализ словообразовательных типов с когнитивных позиций [14–17] позволил определить тип как ментально-языковую категорию с пропозиционально-фреймовой организацией составляющих ее членов (производных и производящих) [14, 17]. В диссертационной работе А.А. Шумиловой отмечается, что «в свете современного когнитивного подхода словообразовательный тип представляется как ментально-языковая категория, организованная по принципу поля, и рассматривается как одна из упаковок языкового материала в долговременной памяти человека» [18. С. 57].

Следует отметить работы И.В. Евсеевой, в которых словообразовательный тип понимается как «сложно структурированный постоянно модифицирующийся формально-семантический блок долговременной и кратковременной памяти человека, который представлен в языке» [15. С. 21]. При этом изучение и анализ когнитивных процессов, проявляющихся в рамках словообразовательного типа и детерминирующих специфику его семантической организации осуществляется через построение пропозиционально-фреймовой модели [19]. Особое место в работах автора занимает вопрос соотносительности полимотивации и структуры словообразовательного типа, в результате изучения которого И.В. Евсеева приходит к выводу, что полимотивация является одной из напряженных точек словообразовательного типа, посредством которой происходит размывание его границ, перетекание одного словообразовательного типа в другой на уровне одной производной лексемы.

При изучении словообразовательного типа большое внимание уделяется выявлению критериев системной продуктивности словообразовательного типа. В качестве основного критерия внутритиповой системной продуктивности выделяется «полевой принцип семантической организации словообразовательного типа» [20. С. 22]. В производных, относящихся к продуктивным типам, носители языка без труда выделяют формантную часть, что способствует высвобождению и отсылочной части слова, а соответственно, увеличивает возможность ее интенсификации в процессе речемыслительной деятельности, т.е. приводит к использованию полимотивации.

В свою очередь, Л.Г. Ким отмечает, что производные слова, относящиеся к центральной семантической теме, имеют наиболее высокую степень членности (ассоциируются у носителей языка как с однокоренными, так и с одноструктурными мотивирующими), а производные, относящиеся к периферийной семантической теме, могут утрачивать связь со словообразовательным типом, что способствует лексикализации [21. С. 49–56]. Данный факт еще раз подчеркивает взаимозависимость всех структурных характеристик языкового знака.

Таким образом, на возможность выделения и, далее, интенсивного осмысления отсылочной части производного слова влияют, с одной стороны, характеристики словообразовательного типа, к которому относится производное (особенно его системная продуктивность), а с другой – место производной единицы в структуре словообразовательного типа (принадлежность к центральной или периферийной семантической теме).

Рассмотрим с этой точки зрения использованные в эксперименте словастимулы.

По данным «Русской грамматики», производное **красноголовник** относится к типу «существительные с суф. -ник, называющие предмет (одушевл. или неодушевл.), относящийся к тому или характеризующийся тем, что названо в опорной основе и конкретизировано в первой основе». Тип продуктивен, нов.: *вышколомонтажник*; окказ.: *первоэтажники* (жильцы первого этажа) (газ.), *белобрючники* (газ.)» [22]. Л.А. Араева, анализируя продуктивность словообразовательных структур на диалектном материале, пишет, что «словообразовательный тип «С+ник» является абсолютно продуктивным (т.е. соответствует всем критериям системной продуктивности)» [20. С. 22]. Кроме

того, в работе приводятся статистические данные, свидетельствующие об отнесенности данного производного к центральной семантической теме, так как оно обозначает «характеризующий натурфакт по объекту» (см. схему 1 «Конкретные суффиксальные отсубстантивы сквозь призму семантической организации словообразовательных типов») [Там же. С. 64]. Данные характеристики обусловили интенсивность осмысления отсылочной части деривата, в некоторых случаях дополненную формантными конкретизаторами:

Красн/о/голов/ник: *красн/о/головн/ик* конкретизируемое ← {кустарник: ярко-красный: голова: головная} конкретизирующее

Красноголовник – это маленький кустарник с ярко-красными горькими ягодами. Если их собирать летом, то они абсолютно бесполезны. Собирать их нужно после морозов, да щедро посыпать сахаром, поставить в погребок на всю зиму. А если вдруг заболит голова – съешь ложечку с чаем, и уходит головная боль. Отсюда и пошло название – **красноголовник**.

Экспериментальные данные показывают, «что при идентификации этого деривата испытуемые опирались на обе корневые морфемы (красн-, -голов-), входящие в состав слова, что обусловлено прозрачностью словообразовательной структуры. В 103 из 118 случаев актуализировался корень **красн-**: **красн/оголовник** конкретизируемое ← {красный(-ая, -ые): ярко-красный: бордово-красный: оранжево-красные: красненький: красноватого: краснеют: по-краснел: **красноголовый**: **Красноголовушка**: **краснуха**} конкретизирующее. В 36 контекстах при идентификации исходного слова продуценты обращались к корню **-голов₁-** – (в значении: «голова человека»): **красн/оголов/ник**: **красно/оголовн/ик** конкретизируемое ← {голова: головокружение: головной(-ая, -ые): головка} конкретизирующее. 20 испытуемых в процессе идентификации слова обратились ко второму значению корня **-голов₂-** – («верхняя часть растения, соцветие»): **красно/голов/ник**: **красно/оголовн/ик** конкретизируемое ← {голова: головка: головушка: головница} конкретизирующее.» [10. С. 120].

Кроме того, в одном контексте используется производное, выступающее одновременно конкретизатором как отсылочной, так и формантной части:

Красн/о/голов/ник конкретизируемое ← {цветочки **красного** цвета: бело/**го/голов/ник**} конкретизирующее

Красноголовник – это лечебный цветок, из него готовят травяной чай (перед приготовлением сушат), у него цветочки **красного** цвета, прикрепленные к стеблю, в высоту он достигает около 60 см (есть также в полях **белоголовник**).

Производное **медуница** образовано по модели «С + ица». Так, в «Русской грамматике» отмечается: «...существительные с суф. -иц(а)/-овиц(а) называют предмет, характеризующийся отношением к тому, что названо мотивирующим словом. Морфема -иц(а) выступает после парно-мягких согласных (кроме заднеязычных) и шипящих; морф -овиц(а), орфогр. также -авиц(а)- после парно-твердых. Сюда относятся: а) названия растений, животных, частей одежды: пух – пушица, свекла – свекловица, нога – ноговица, рука – рукавица, мед – медуница,

пядь – пяденица, в двух последних соответственно морфы *-униц(а)* и *-ениц(а)»* [22. § 349].

По результатам эксперимента было получено 117 реакций. В большинстве реакций дериватема интенсифицировалась за счет однокоренных мотивирующих; информанты использовали всего 4 слова (49 участников эксперимента включили в свои контексты слово *мед*, 12 привлекли прилагательное *медовый(-ая)*, один испытуемый использовал композит *медовосладкий*, также были актуализированы диахронные связи фитонима – 2 раза упоминалась единица *медведь*). Всего 60 продуцентов при раскрытии оязыковленного образа фитонима *медуница* использовали созвучные по основе конкретизаторы.

При этом ряд взаимодействующих факторов: 1) архаичность и непродуктивность типа; 2) особенности морфонологической структуры фитонима (наличие гласной старой *-и-* основы: *медуница*), затрудняющие членение производного, и 3) взаимодействие словообразовательного типа «С + *ица*» с более продуктивным типом «С + *ница*» – способствует привлечению следующих формантных конкретизаторов:

Медуница конкретизируемое ← *бессонница* конкретизирующее

Медуница обладает сладковатым запахом. Это растение на невысоком стебельке желтого цвета. А лучше всего собирать медуницу в солнечную погоду, когда ее желтые цветки хорошо различимы на лесной поляне. Сладковатый запах настоявшихся трав медуницы помогает от бессонницы, ее следует употреблять перед сном для наилучшего эффекта.

Медуница конкретизируемое ← *травница* конкретизирующее

Медуница – заваривается с чаем и дает эффект кратковременного опьянения, так как в этом растении содержатся наркотические вещества, сходные с веществами, содержащимися в мухоморах, ЛСД и морфии гидрохлориде, говорила *травница* Аграфена.

В одном случае выделенные факторы обусловили появление такого контекста:

Медуница конкретизируемое ← {*меду* + *Ница*} конкретизирующее

Медуница! посмотрите какое красивое растение. Название получило от названия крепостной крестьянки, *Ницы*. Однажды у барина заболела голова, и он попросил у служанки: «*Меду, Ница!!!*». Но хитрая крестьянка знала, что *мед* не поможет, и дала понюхать ему это растение, после чего у барина прошла головная боль. Так крестьянка *Ница* освободилась от крепостной зависимости.

Девятильник. В результате того, что данное производное образовано путем усечения (*девятильник* от *девятиельник*, в составе которого выделялись следующее компоненты: *девять-* + *и* + *-ил-* + *-ник*), выделение форманта *-ник* становится затруднительным (только в 1 случае было отмечено использование одноструктурного мотиватора, относящегося к тому же типу: *девятиль/ник* – мне кажется, это цветок по виду похожий на тысячелистник...). В связи с этим в процессе идентификации деривата не происходит осознания отнесенности данного производного к словообразовательному ти-

пу «существительные с суф. -ник, называющие предмет (одушевл. или неодушевл.), относящийся к тому или характеризующийся тем, что названо в опорной основе и конкретизировано в первой основе». Это обуславливает появление метатекстов, в которых информанты при раскрытии оязыковленного образа опирались в большей степени на собственные представления о причинах возникновения данной номинации. В качестве подтверждения можно привести следующие примеры:

*А это, сынок, **девятитьник**. Давным-давно не было еще ароматизаторов в машине. Бывало, выедет русский человек на своей «**девятке**» в чисто поле, лапти в машине снимет и задыхается. Но однажды, крестьянин Иван Истулов взял охапку трав и в машину положил, и от того стало легко и приятно на душе, да и в машине тоже. Так получил свое название девятитьник.*

***Девятитьник** – трава, которую используют знахари в белой магии. При прочтении определенных молитв и варении травяного чая на основе девятитьника очень многие люди попали под амнистию в тюрьмах, вообще понесли очень легкое наказание и виновные были оправданы. С чем было связано название, Аграфена объяснила, что одному человеку, который применил эту траву, дали **девять** лет лишения свободы вместо двадцати одного. Так и прозвали эту травку девятитьником.*

При идентификации слова-стимула установлено, что в одном случае были использованы конкретизатор *светитьник* и в двух реакциях присутствует дериват *кипититьник*¹, что свидетельствует об ориентации информантов на словообразовательный тип «Г + ильник». Актуализация типа, к которому не относится слово-стимул, стала возможной в результате низкой степени членности деривата и свидетельствует о том, что привлечение данных конкретизаторов было продиктовано, прежде всего, их формальным сходством с фитонимом *девятитьник*.

*Далее мы видим **девятитьник** – это смесь **светитьника** и **кипититьника** в девятой степени. Нужен он для освещения палатки и кипячения чая, рассчитан на 9 чашек.*

Общее же количество реакций на данное производное составило 109 текстов. В большинстве случаев при раскрытии оязыковленного образа информанты использовали созвучные по основе конкретизаторы – таких реакций 71. При этом помимо числительного *девять*, в качестве конкретизаторов были использованы прилагательное *девятикратный*, существительное *девятика* (как сокращенное обозначение серийного номера модели автомобиля ВАЗ 2109) и окказиональное имя собственное *Девятик*.

Фитоним *рекостав* относится к типу, в который входят существительные со значением «действие, названное основой глагола и конкретизированное в первой основе». В качестве опорного компонента выступают беспрефиксальные глагольные основы, а первого компонента – основы существительных: *ледоход, сенокос, водопой, солнцепек, буревал, ветровал, мордобой (прост.)*,

¹ Сохранено авторское написание слова.

мясоед, самотек, икромет, новотел, глазомер и т.д. С использованием такой же глагольной основы, как у деривата **рекостав**, образовано производное **ледостав**. Нужно отметить, что у слов происходит наращение основы глагола *стать* за счет согласной [в]. Продуктивность типа ограничена образованиями, возникающими по образцу слов с компонентом *-пад*: *неплопад* (спец.); *оказ.*: *горный дождепад* (Шаг.); *Не снегопад - снеговал* (газ.); *сентябрьского листопада протяжный свист* (Есен.; по образцу слова *листопад*) [22, § 580].

Ограниченность продуктивности словообразовательного типа, поддерживаемая низкой степенью членимости, приводит к сокращению количества контекстов, в которых использованы однокоренные мотивирующие, и увеличению числа нетривиальных реакций. Общее количество реакций, полученных на слово-стимул **рекостав**, составило 104 текста, из них только в 43 реакциях использовались однокоренные конкретизаторы: в 39 слово **река**, в одном тексте было использовано производное **речка** и 3 раза при идентификации данного фитонима продуценты привлекали альтернант **речушка**.

Примером нетривиального осмысления слова-стимула является следующий метатекст:

Рекост/ав конкретизируемое ← *Рекост* конкретизирующее

*А вот две травы – девятильник и **рекостав** – всегда вместе используют. Да и растут они рядом всегда. Почему? Да есть одна легенда, что жили два друга. Сильная у них дружба была, и не хотели они расставаться, и свою жизненную силу и дружбу на века сохранить. Пришли к колдунье одной, попросили совета, мол, помоги, подскажи. Она их и превратила в травку. Звали-то друзей: Девятик и **Рекост**, отсюда и название у травок – девятильник и **рекостав**. Эти две травы и цветут с весны самой, еще снежок не растает, и до осени поздней, а потом под снежком спят. При болезнях сердца они помогают. Засушить их на солнышке надо, да и заварить тут же. Тогда и сердечко болеть и колоть перестанет. А все из-за травок этих хороших, дружных.*

Производное **свербигуз** относится к непродуктивному сегодня в русском литературном языке типу (дериват относится к словообразовательному типу, в котором опорным компонентом выступает существительное с предшествующей частью, омонимичной форме повелительного наклонения глагола), что затрудняет формулирование его индивидуально-мотивационного значения в дискурсивной деятельности носителей языка, поэтому при идентификации данного знака происходит опора, прежде всего, на звукобуквенный комплекс производного.

4. Результаты исследования. Выводы

Таким образом, на актуализацию полимотивации при идентификации дериватов, т.е. на возможность выделения и далее интенсивного осмысления отсылочной части производного слова, влияют, с одной стороны, характеристики словообразовательного типа, к которому относится производное (особенно его системная продуктивность), а с другой – место производной единицы в структуре словообразовательного типа (принадлежность к центральной или периферийной семантической теме). Так, если словообразователь-

ный тип, к которому относится производное, является системно-продуктивным, а языковой знак, образованный по его модели, относится к центральной семантической теме, то данные характеристики способствуют осознанному восприятию словообразовательной структуры производного, а также четкой выраженности лексико-словообразовательного значения деривата в метатекстах информантов. Соответственно, в процессе идентификации такого слова-стимула увеличивается возможность привлечения созвучных по основе конкретизаторов. Так, по результатам эксперимента полимотивация использовалась в 44 случаях по отношению к производному *красноголовник*, который относится к продуктивному типу, соответствующему всем критериям системной продуктивности, в 21 – по отношению к деривату *медуница*, в 11 – при идентификации фитонима *девятильник*, 12 раз – относительно производного *рекостав* и всего 6 раз – *свербигуз*. Кроме того, продуктивность словообразовательного типа определяет типизированность реакций, как в случае с фитонимом *красноголовник*. Отнесенность производного к непродуктивному словообразовательному типу приводит к увеличению нетривиальных контекстов; ср. приведенные выше примеры относительно производных *девятильник*, *рекостав*, *свербигуз*. Следует отметить, что непродуктивность словообразовательного типа, к которому, например, относится производное *медуница*, может компенсироваться его взаимодействием с более продуктивным типом, что обеспечивает достаточно высокую степень членимости производного, с точки зрения участников эксперимента, и способствует появлению полимотивации.

Литература

1. Катыхов П.А. Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005.
2. Катыхов П.А. Полимотивация – проявление детерминанты русского языка (на материале дискурсивной деятельности носителей диалектного и русского языка) // Актуальные проблемы русистики. Вып. 3: Языковые аспекты регионального существования человека. Томск, 2006. С. 488–494.
3. Катыхов П.А. Полимотивация в свете системной лингвистики // III Международные Бодуэновские чтения. Казань, 2006. Т. 2. С. 59–61.
4. Катыхов П.А. Полимотивированность деривата в системологическом освещении // Язык в контексте гуманитарных знаний. В. Новгород, 2008. С. 37–47.
5. Катыхов П.А., Оленев С.В. Влияние синтактики языка на языковую личность как проблема риторической критики // Сиб. филол. журн. 2010. № 4. С. 191–199.
6. Соколова С.К. Структурная детерминанта полимотивации производных фитонимов // Вестн. Том. гос. ун-та. 2009. № 327. С. 31–33.
7. Соколова С.К. Агглютинативность / фузионность как структурная детерминанта полимотивации деривата // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 34. Филология. Искусствоведение. Вып. 36. С. 110–118.
8. Соколова С.К. Степень членимости деривата как детерминанта полимотивации // Сиб. филол. журн. 2009. № 4. С. 131–136.
9. Соколова С.К. Поли-/мономорфемность как детерминанта полимотивации дериватов // Вестн. Кем. гос. ун-та. 2012. № 4, т. 4. С. 155–159.
10. Соколова С.К. Полимотивация деривата в аспекте влияния его структурных свойств на речемыслительную деятельность носителей русского языка: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. 230 с.

11. Оленев С.В. Экспериментальное исследование механизмов осмысления незнакомого слова (к вопросу о взаимовлиянии синтактики языка и языковой личности) // *Вопр. когнитивной лингвистики*. Тамбов, 2010. № 1 (022). С. 88–98.
12. Морковин В.В., Морковина А.В. Русские агнонимы: Слова, которые мы не знаем. М., 1997.
13. Оленев С.В. Моделирование динамики русской языковой личности. Томск: Изд-во Том. пед. ун-та, 2008.
14. Араева Л.А. Словообразовательный тип. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
15. Евсеева И.В. Словообразовательный тип: антропоцентрический подход. Красноярск: Изд-во КрасГУ, 2005.
16. Евсеева И.В. Словообразовательный тип: когнитивное моделирование / *Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева*. 2011. Т. 2, № 3. С. 70–75.
17. Проскурина А.В. Внутренняя форма словообразовательного типа (на материале русских народных говоров). Кемерово, 2010.
18. Шумилова А.А. Синонимия как ментально-языковая категория (на материале лексической и словообразовательной синонимии русского языка). Кемерово, 2010.
19. Евсеева И.В. Явление полимотивации в структуре словообразовательного типа // *Вестн. Краснояр. гос. ун-та. Гуманит. науки*. Красноярск, 2000. № 2. С. 96–99.
20. Араева Л.А. Парадигматические отношения на словообразовательном уровне. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1990.
21. Ким Л.Г. Словообразовательный тип и значение производного слова // *Производное слово и способы его формирования*. Кемерово, 1990. С. 49–56.
22. *Русская грамматика* [Электронный ресурс]. URL: // <http://rusgram.narod.ru/>

ON DEPENDENCE OF POLYMOTIVATION OF THE DERIVATIVE ON EFFICIENCY OF THE WORD-BUILDING TYPE (ON THE MATERIAL OF A PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENT)

Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 2 (40), 71–83. DOI: 10.17223/19986645/40/5

Sokolova Svetlana K., Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: sokolova.82@list.ru

Keywords: derivative polymotivation, efficiency of word-building type, determinant of speech activity.

The article develops the idea of the systemic nature of polymotivation. Polymotivation is seen as a strategy of speech activity of subjects which is aimed at disclosure of the semantic potential of the derived word. This strategy is realized through the replacement of an initial derivative with a set of other words which can enter both one and several judgments. It is noted that the nature of speech activity directed on the disclosure of the semantic potential of the derivative word depends on the main and accompanying determinant. The structural determinant is allocated as one of accompanying determinants. Studying this determinant allowed making an assumption of the dependence of native speakers' speech activity on the properties of a derivative structure. Research is conducted on the material of a psycholinguistic experiment whose purpose was to determine the dependence of features of Russian native speakers' speech activity on structural characteristics of derivative word stimuli. Five derivatives (krasnogolovnik, medunitsa, devyatilnik, rekostav and sverbiguz) offered to informants as word stimuli have different structural properties which can promote the choice of the strategy of disclosure of a language image of the cognizable word. In the article such a structural characteristic of the derivative as specifics of the word-building type this derivative belongs to is considered. Results of the research show that characteristics of the word-building type the derivative belongs to (especially its system efficiency) and the place of the derivative unit in the structure of the word-building type (belonging to the central or peripheral semantic theme) influence the actualization of polymotivation when identifying derivatives, i.e. the possibility of identification and intensive comprehension of the referential part of the derivative word. Thus, if the word-formation type the derivative belongs to is systemically productive, and the language sign formed by its model belongs to the central semantic theme, these characteristics promote conscious perception of the word-building structure of the derivative. Respectively, in the course of identification of such a derivative the possibility of polymotivation use as the main speech strategy increases.

References

1. Katyshev, P.A. (2005) *Polimotivatsiya i smyslovaya mnogomernost' slovoobrazovatel'noy formy* [Polymotivation and semantic multidimensionality of the word-building form]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Katyshev, P.A. (2006a) Polimotivatsiya – proyavlenie determinanty russkogo yazyka (na materiale diskursivnoy deyatel'nosti nositeley dialektного i russkogo yazyka) [Polymotivation as a manifestation of the determinant of the Russian language (on the material of the discursive activity of dialect and Russian language speakers)]. In: *Aktual'nye problemy rusistiki* [Topical issues of Russian philology]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
3. Katyshev, P.A. (2006b) [Polymotivation in the light of systemic linguistics]. *III Mezhdunarodnye Boduenovskie chteniya* [III International Boduen Readings]. Vol. 2. Kazan. pp. 59–61. (In Russian).
4. Katyshev, P.A. (2008) Polimotivirovannost' derivata v sistemologicheskom osveshchenii [Polymotivation of the derivative in systemological light]. In: *Yazyk v kontekste gumanitarnykh znaniy* [Language in the context of humanitarian knowledge]. Velikiy Novgorod: Novgorod State University.
5. Katyshev, P.A. & Olenev, S.V. (2010) Vliyanie sintaktiki yazyka na yazykovuyu lichnost' kak problema ritoricheskoy kritiki [Effect of language syntactic on the language personality as a problem of rhetorical criticism]. *Sibirskiy filologicheskyy zhurnal – Siberian Philological Journal*. 4. pp. 191–199.
6. Sokolova, S.K. (2009) The structural determinant of polymotivation of the plant name derivative. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 327. pp. 31–33. (In Russian).
7. Sokolova, S.K. (2009a) Agglyutinativnost' / fuzionnost' kak strukturnaya determinanta polimotivatsii derivata [Agglutinative / fusional features as a structural determinant of polymotivation of the derivative]. *Vestnik Chelyabinskogo gos.universiteta. Filologiya. Iskuststvedenie*. 34. pp. 110–118.
8. Sokolova, S.K. (2009b) Stepen' chlenimosti derivata kak determinanta polimotivatsii [The degree of dividedness of the derivative as polymotivation determinant]. *Sibirskiy filologicheskyy zhurnal – Siberian Philological Journal*. 4. pp. 131–136.
9. Sokolova, S.K. (2012) Simplicity / complexity of the morphemic structure as a determinant of derivatives' polymotivation. *Vestnik Kemerovskogo gos.universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 4–4 (52). pp. 155–159. (In Russian).
10. Sokolova, S.K. (2011) *Polimotivatsiya derivata v aspekte vliyaniya ego strukturnykh svoystv na rechemyslitel'nyu deyatel'nost' nositeley russkogo yazyka* [Polymotivation of the derivative in the aspect of its influence on the structural properties of the speech and thinking activity of Russian speakers]. Philology Cand. Diss. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
11. Olenev, S.V. (2010) Eksperimental'noe issledovanie mekhanizmov osmysleniya neznakomogo slova (k voprosu o vzaimovliyani sintaktiki yazyka i yazykovoy lichnosti) [An experimental study of mechanisms of understanding unfamiliar words (on the interaction of language syntactic and language personality)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 1 (022). pp. 88–98.
12. Morkovkin, V.V. & Morkovkina, A.V. (1997) *Russkie agnonimy: Slova, kotorye my ne znaem* [Russian agnonyms: Words that we do not know]. Moscow: Astra sem'.
13. Olenev, S.V. (2008) *Modelirovanie dinamiki russkoy yazykovoy lichnosti* [Modeling the dynamics of the Russian language personality]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
14. Araeva, L.A. (2009) *Slovoobrazovatel'nyy tip* [The word-building type]. Moscow: LIBROKOM.
15. Evseeva, I.V. (2005) *Slovoobrazovatel'nyy tip: antropotsentricheskyy podkhod* [Word-building type: an anthropocentric approach]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
16. Evseeva, I.V. (2011) *Slovoobrazovatel'nyy tip: kognitivnoe modelirovanie* [Word-building type: cognitive modeling]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva – Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University*. 2:3. pp. 70–75.
17. Proskurina, A.V. (2010) *Vnutrennyaya forma slovoobrazovatel'nogo tipa (na materiale russkikh narodnykh govorov)* [Internal form of the word-building type (based on the Russian folk dialects)]. Kemerovo.
18. Shumilova, A.A. (2010) *Sinonimiya kak mental'no-yazykovaya kategoriya (na materiale leksicheskoy i slovoobrazovatel'noy sinonimii russkogo yazyka)* [Synonymy as a mental-linguistic category (based on lexical and derivational synonyms of Russian)]. Kemerovo.

19. Evseeva, I.V. (2000) Yavlenie polimotivatsii v strukture slovoobrazovatel'nogo tipa [Polymotivation in the structure of a word-building type]. *Vestnik KrasGU. Gumanitarnye nauki*. 2. pp. 96–99.
20. Araeva, L.A. (1990) *Paradigmaticheskie otnosheniya na slovoobrazovatel'nom urovne* [Paradigmatic relations in the word-building level]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
21. Kim, L.G. (1990) Slovoobrazovatel'nyy tip i znachenie proizvodnogo slova [Word-building type and meaning of the derivative]. In: Yantsenetskaya, M.N. (ed.) *Proizvodnoe slovo i sposoby ego formirovaniya* [Word derivative and ways of its formation]. Kemerovo: Kemerovo State University.
22. Russian Grammar. [Online]. Available from: <http://rusgram.narod.ru/>. (In Russian).